

А.Л. Рочева

ДОСТУП В ПОЛЕ В УЛИЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ¹

РОЧЕВА Анна Леонидовна — MA in Sociology, аспирант Института социологии РАН. E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Автор статьи обращается к проблеме физического и социального доступа в поле социологического исследования при изучении темы рождения детей в сообществе мигрантов. Разбираются особенности получения доступа в поле через уличные интервью и выстраивание конформной выборки в сочетании с методом «снежного кома». Основа для обсуждения — проведенное летом 2011 г. эмпирическое исследование в Москве среди мигрантов из Киргизии.

Ключевые слова: социологическое исследование, поле, доступ в поле, конформная выборка, уличные интервью, сенситивная тема, миграция, рождение детей.

Изучение опыта женщин-мигрантов, родивших ребенка в чужой для них стране — непростая методическая задача в первую очередь в плане доступа в поле, с которой исследователь сталкивается с самого начала полевой работы и вынужден прилагать усилия по ее решению на всем протяжении проекта. В этом смысле доступ — скорее процесс, который можно сравнить с очисткой лука [3], нежели преодоление некоторой «границы» или «вход в дверь» [6]. Традиционно выделяют ситуации, которые, скорее всего, потребуют от исследователя больших усилий в плане доступа, нежели другие. В их числе, во-первых, изучение закрытых/невидимых сообществ, к которым относят мигрантов, особенно недокументированных, и этнические меньшинства. Второе отягчающее обстоятельство — сенситивность темы исследования, т.е. наличие некоторой угрозы для информантов, будь то вторжение исследователя в сферу приватного/сакрального (куда относятся сексуальность, рождение, смерть), угроза стигматизации или наличие в поле конфликтных групп и ситуаций.

На основе эмпирического исследования, проведенного в Москве в 2011 г. на тему рождения детей женщинами-мигрантами в России, в статье обсуждается эффективность тактики получения доступа в поле через уличные интервью и выстраивание конформной выборки в сочетании с методом «снежного кома».

Исследовательская задача. Методика исследования

Основные вопросы исследования заключаются в том, насколько миграция меняет нормативную модель жизненных событий для женщины, как мобильность ограничивает возможности и одновременно какие ресурсы она предоставляет для беременности и рождения. Все эти вопросы располагаются на трех уровнях рассмотрения события рождения ребенка женщиной-мигрантом.

© Рочева А.Л., 2012

¹ Автор искренне благодарит участников секции «Осмысление полевого опыта этнографических исследований» за ценные комментарии и вопросы.

Во-первых, рождение ребенка традиционно признается одним из значимых событий в жизни самой женщины, во-вторых, это событие укоренено в контексте семьи, в-третьих, оно неизбежно происходит в социальном контексте, поскольку ни одно общество не оставляет вопросы воспроизводства на усмотрение индивидов или домохозяйств. Аналогично в миграции, с одной стороны, проявляется индивидуальная активность (agency), но в то же время ее нельзя рассматривать в отрыве от социальных сетей, которые служат ее проводниками, и, далее, от попыток национальных государств регулировать человеческие потоки.

В поисках ответов на поставленные вопросы летом 2011 г. в Москве проведено эмпирическое исследование с женщинами-мигрантами² из Киргизии. Выбор географии обусловлен тем, что Москва является наиболее привлекательным регионом для мигрантов в России, а доля женщин среди мигрантов из Киргизии наиболее высока в потоке мигрантов из стран Средней Азии³ — самом многочисленном в России [4]. В качестве информантов в силу обсуждения специфического женского опыта материнства выбирались женщины. Впрочем, мужчины не были исключены из исследования: во-первых, они периодически принимали участие в интервью, во-вторых, упоминания мужей, отцов, братьев присутствовали в нарративах женщин. Как указывает Р.С. Парреньяс: «Говоря о женском гендерном опыте, мы этим всегда уже делаем отсылку к мужскому гендерному опыту...» [9, р. 4].

Список мест Москвы, где проводились уличные разговоры, не был изначально задан, а формировался в процессе полевой работы, иногда с помощью самих информантов. Как утверждает географ О. Вендина, «реальных этнических кварталов в Москве пока нет» [1], поэтому отбор мест для опроса проводился исходя из ожидаемо высокой концентрации киргизов. Так, места выбирались по двум основаниям: высокая концентрация людей в этом месте (как в случае с улицами, соседствующими со станциями метро) или же наличие какого-либо объекта, привлекающего наибольшее количество мигрантов из Киргизии (см. список мест в Приложении). Опрос состоялся в тринадцати местах Москвы, общее количество обращений — 157.

Попытки завязать разговор предпринимались с женщинами 18–49 лет⁴ (в одиночку и в группах до 3-х человек, среди которых попадались и мужчины), кого можно было фенотипически принять за приехавших из Киргизии. Для подобных уличных разговоров был заготовлен краткий гайд общего характера: о жизни в России и Киргизии, о семье, о самом ярком событии в жизни, опционально — о детях и рождении детей в условиях миграции. В зависимости от ситуации варьировались порядок и степень раскрытия тем. Эти разговоры служили нескольким целям: составить более обширное представление о контексте исследования, которое помогало, в том числе, в выстраивании гайдов для последующих расширенных интервью, и по возможности получить контакты тех, чьи случаи интересны для целей исследования. Иногда уличные обращения перерастали в расширенные интервью, иногда — по полученным контактам назначались интервью отдельно. Соответственно, гайд для таких расширенных интервью был сфокусирован на специфическом опыте рождения ребенка/детей в России. Интервью могли проходить как в том месте, где информанта застал исследователь, так и на ходу, если информант куда-то направлялся. Таким образом, исследователь мог кочевать по Москве вместе с информантами. Интервью проводились на

² В качестве мигрантов нас интересовали люди, которые родились и выросли в Киргизии, но сейчас проводят какое-то время в Москве; вопрос гражданства принимался во внимание как оказывающий влияние на конкретные стратегии и опыты, но не был ведущим в определении мигрантов.

³ По данным исследования, проведенного ЦЭПРИ для НИУ ВШЭ в 2011 г. ($n=8499$, 8 регионов РФ), доля женщин среди мигрантов из Киргизии составила 38,7%, что значительно выше, чем среди мигрантов из Узбекистана и Таджикистана (22,9 и 19,9% соответственно).

⁴ Возрастные рамки были заданы с учетом репродуктивного возраста, однако они не накладывали особенно жестких ограничений: не было ни одного респондента, с кем бы разговор не состоялся из-за квоты на возраст.

русском языке, что в некоторых случаях затрудняло коммуникацию, в силу чего часть интервью не состоялась (впрочем, эта доля была небольшой — 3,2%).

Результаты обращений фиксировали в специально разработанном бланке, куда заносили дату, примерное время и место обращения, пол, возрастную группу⁵ (определялась часто самим исследователем, особенно в случае отказов), этническую принадлежность, результат обращения и комментарии.

Попытки определить приехавших из Киргизии оказались довольно результативными (см. табл. 1), что связано не столько с выбором мест, популярных среди мигрантов из Киргизии, или умением исследователя различать приехавших из разных стран, сколько со значительной долей киргизок⁶ среди женщин-мигрантов в публичном пространстве Москвы. Предпринимались обращения к прохожим на улицах, продавцам маленьких магазинов и палаток, уборщицам, т.е. тем, для кого ситуация коммуникации предоставляет возможность разговора.

Таблица 1 Распределение респондентов по стране происхождения

	Страна происхождения	Частота	%	Валидный %
Валидные	Киргизия	129	82,2	88,4
	Узбекистан	7	4,5	4,8
	Таджикистан	1	0,6	0,7
	Россия	1	0,6	0,7
	Другое	8	5,1	5,5
	Итого	146	93	100
Пропущенные	9	11	7	
Итого		157	100	

Интервью по возможности записывались на диктофон, впоследствии частично транскрибировались с помощью техники конверсационного анализа (conversation analysis), что позволяет проявить не только вербальное содержание разговоров, но и экстралингвистические проявления, такие как интонационные выделения, смех, изменения темпа речи.

Обсуждение

Нахождение на улице, уважая требования «гражданского невнимания» (civil inattention) [7], перестает быть беспроblemным при попытке инициировать коммуникацию с кем-то, кто, возможно, не желает этого. Однако, несмотря на первоначальные опасения, метод уличных разговоров-интервью оказался довольно результативным, если судить по уровню достижимости респондентов. В 67,5% случаев интервью были, по крайней мере, начаты, причем с теми, кто удовлетворяет условиям квоты (приехали из Киргизии) и говорит по-русски на уровне, достаточном для проведения интервью. Доля завершенных интервью составила 45,2% случаев, доля прерванных — 22,3% случаев. Прерванное интервью означает, что контакт состоялся, респондент начал отвечать на вопросы, но в силу каких-то причин интервью не завершилось (например, рабочая обстановка или ситуация ожидания кого-то у метро не всегда позволяет завершить общение) (см. табл. 2).

⁵ «Юный» — 18–25 лет, «зрелый» — 26–35, «старший» — 36–49 лет.

⁶ Для исследования была важна не этническая самоидентификация, а страна, откуда приехали (потенциальные) респонденты.

Таблица 2 Распределение обращений по результату

Результат обращения	Частота	%	Кумулятивный %
Взято интервью	71	45,2	45,2
Прерванное интервью	35	22,3	67,5
Отказ от интервью	32	20,4	87,9
Не подходит по квоте	14	8,9	96,8
Не говорит по-русски	5	3,2	100
Итого	157	100	

Часто обращение на улице — это нарушение некоторого режима комфорта. Для одних потенциальных собеседников это означало неудачу в их попытках слиться с городской средой, перестать выделяться, чтобы не привлекать к себе внимание окружающих, поскольку оно чревато неприятностями (проверка документов сотрудниками МВД). Другими обращение на улице определялись через попытки что-либо продать или через другую деятельность промоутеров, что особенно актуально рядом со станциями метро. Материальная оснастка исследователя (блокнот и диктофон в руках) способствовала определению ситуации как общение с журналистом (тому же способствовал и режим выстраивания разговора — с вопросами исследователя). В силу этого для формата уличных обращений важным оказалось максимально быстро переформатировать возможные определения ситуации потенциальными информантами из назойливых попыток продажи чего-либо или работы журналиста в деятельность исследователя, благодаря чему постепенно сложились конструкции, которые звучали не самым лучшим образом, но максимально упирали на то, что это научное социологическое исследование, а перед информантом не журналист, а социолог⁷.

Подозрительность по отношению к уличным вопросам, выражаемая в отказах, сопровождаемых фразами типа «у меня все секретное», может усилиться от того, что в числе вопросов есть такие, которые попадают в сферу личного, поскольку затрагивают тему детей и семьи. Такая ситуация воспринимается как вторжение чужака в пространство приватного, реакция на что выражается и невербально, и вербально.

Тем не менее интерес исследователя из числа «местных»/«русских»⁸ импонировал многим потенциальным респондентам, и их удивление тем, что кто-то интересуется их жизнью, проявляет внимание к ним (кроме, пожалуй, сотрудников МВД), имело совсем другую тональность: «в обществе, где люди придавлены чиновничьим безразличием и даже насилием, сам интерес исследователей к мнению обычного человека представляет собой радикальный шаг» [3]. На фоне часто негативного опыта общения с местными внимание исследователя переходило из разряда опасности в разряд ценности: «Мне никто такие вопросы не задавал ни разу, как приехала, никто не спрашивал».

Одним из ключевых вопросов в получении доступа в поле является мотивация информантов [8], и среди того немного, что исследователь может предложить, — консультативная помощь (телефоны бесплатных юристов и врачей, организаций микрокредитования для иностранных граждан), расширение собственных социальных сетей, получение советов, удовлетворение любопытства о жизни исследователя. Открытость, готовность делиться личной информацией, обсуждать собственную жизнь оказались очень важными для выстраивания доверительных отношений и нивелирования (насколько это возможно) властных отношений между исследователем и информантами, когда и социолог

⁷ Явная негативная реакция была относительно журналистов, но не социологов.

⁸ Так исследователя идентифицировали информанты.

становится объектом изучения. Кроме того, ситуации из личной жизни исследователя становились сюжетами для обсуждений. Например, темой для живых дискуссий стала приемлемость разных форм отношений, в частности незарегистрированного брака. Информанты склонны были распространять эту модель на всех нас, т.е. русских, в отличие от киргизов или мусульман. Партнерские отношения, с одной стороны, служили своеобразной провокацией, становились темой для живого обсуждения, а с другой — в нарративе о них выстраивалось противопоставление «мы–они», которое приходилось преодолевать, рассказывая о неоднозначности принятия такой формы, например, родителями.

Исходя из вопросов, которыми интересовались информанты, можно предположить, что само понятие информированного согласия трансформируется, выходя за рамки изначального понимания «зачем говорить» (основанного на информировании о целях исследования, заказчике, проводящей его организации, статусе интервьюера, сохранении конфиденциальности данных). В этой полевой работе не менее важной (и чуть ли не более важной) частью стало информированное согласие «с кем говорить» — согласие на разговор с данным конкретным интервьюером, для чего от последнего требовалось изложить информацию личного характера, включая род занятий, семейное положение, наличие детей, возраст, место рождения. Такое взаимное знание деталей биографии, контактных телефонов становилось основой для сотрудничества, выстраиваемого на основе межличностного доверия, которое оказывалось более важным, чем доверие по отношению к учреждению.

Заключение

Одна из целей обсуждения доступа в поле — развенчание мифов, которыми окружено то или иное сообщество. В этом смысле настоящее исследование показывает, что готовность, как минимум, начать разговор с исследователем-незнакомцем на улице довольно высока, что не совпадает с ожиданиями, сложившимися из литературы о недоступности мигрантов [5], и из здравого смысла. По крайней мере, те мигранты, которые присутствуют в публичном пространстве Москвы (что может быть обусловлено меньшими проблемами с документами)⁹, оказываются не настолько закрыты для общения. Вход в поле «с улицы» не является невозможным и, более того, имеет свои плюсы. Во-первых, он позволяет, в отличие от поиска через рабочие места, затронуть и тех, кто не занят или занят в нетипичных местах (например, распространители в сетевом маркетинге); во-вторых, он имеет достаточную спонтанность для потенциального информанта и потому не требует испрашивания разрешения у людей, от которых они могут зависеть (мужа, свекрови).

Вопрос, который становится актуальным в ситуации такой конформной выборки, — «где искать?». В поиске ответа могут помочь информанты, а также собственная наблюдательность, когда граница между работой и не-работой размывается, и информация рабочего характера черпается из разных источников обычной жизни, а диктофон всегда есть в сумке. Поиск контактов в таком специфическом исследовании, как обсуждаемое, превращает в преимущество для исследователя проживание в спальном районе подальше от центра и от метро, где преобладает старый жилой фонд, особенно «хрущевки»; кроме того, плюсом становятся визиты (возможно, по другим поводам) в разные районы города. Имеет смысл в случае поиска информантов со специфическим опытом обдумать особо «рыбные» места, где можно их застать (примером в этом исследовании могут быть места для прогулок с детьми, детские поликлиники).

Конформная выборка вовсе не отменяет другие методики поиска, в первую очередь метод «снежного кома», однако уличные обращения позволяют «широко раскинуть сеть»,

⁹ А также те, которых выделил глаз исследователя.

необходимость чего обусловлена тем, что женщины, недавно родившие ребенка, часто сидят дома, тогда как многие контакты приобретаются через рабочие места. Соответственно, малоэффективными могут оказаться попытки выстроить выборку методом «снежного кома», имея контакты всего нескольких женщин, недавно родивших детей в России. Напротив, не опробованный в обсуждаемом исследовании способ поиска информантов через мужчин (например, мужей) может быть продуктивным: новоиспеченные отцы не покидают работу в связи с рождением детей и задействуют социальные связи (в том числе на работе) для поиска актуальной информации в связи с рождением детей (оформление документов и т.д.), а соответственно, могут иметь нужные исследователю контакты.

Уличные обращения и интервью «по ходу» требуют моральной подготовки исследователя, поскольку подходить на улице к незнакомым людям непростое занятие, оно напоминает в некоторой степени «поиск романтических знакомств», а в рамках этнографического исследования исследователю приходится предпринимать такие действия, которые могут противоречить привычным практикам. Метод уличных интервью подходит для исследований по проблемам миграционной карьеры, семьи (факультативно — детей); обращения на улице и, соответственно, интервью «по ходу» могут быть особо ценными для изучения тематики, связанной с пространством. С точки зрения социального доступа уличные интервью разворачиваются по схеме, схожей с другими этнографическими интервью, когда исследователь постепенно погружается в более глубокие слои контакта по «спирали», что позволяет преодолеть и презентационные идентификации, выстраиваемые информантами.

Приложение Места проведения опроса в г. Москва

№	Место	Особый объект притяжения	Частота обращений	%	Кумулятивный %
1	м. «Проспект мира»	Медклиника, популярная среди мигрантов из Киргизии	42	26,8	26,8
2	м. «Добрынинская»	Посольство Киргизии	41	26,1	52,9
3	ВВЦ/ВДНХ	Павильон Кыргызстан, кафе киргизской кухни	25	15,9	68,8
4	м. «Молодежная»	Нет	17	10,8	79,6
5	м. «Электрозаводская»	Нет	11	7	86,6
6	м. «Тульская»	Нет	5	3,2	89,8
7	м. «Таганская»	Национально-культурный центр Киргизии	4	2,5	92,4
8	м. «Улица 1905 года»	Нет	4	2,5	94,9
9	м. «Профсоюзная»	Нет	2	1,3	96,2
10	м. «Академическая»	Нет	2	1,3	97,5
11	м. «Молодежная», стадион	Стадион	2	1,3	98,7
12	м. «Юго-западная»	Нет	1	0,6	99,4
13	м. «Киевская»	Нет	1	0,6	100
	Итого		157	100	

Литература

- 1 Вендина О. И. Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж. А. Зайончковской. М. : Три квадрата, 2009. С. 45–146.
- 2 Ньюман Л. Полевое исследование // СОЦИС. 1999. № 4. С. 111-121.
- 3 Сринивасан А. Форум : этич. пробл. полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5.
URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf
- 4 Труд и занятость в России : стат. сб. / Росстат. М., 2009.
- 5 Bowler I. 'They're not the same as us : midwives' stereotypes of South Asian descent maternity patients // Sociology of Health & Illness. 1993. Vol. 15 Nr 2. P. 157–178.
- 6 Feldman M.S., Bell J., Berger M.T. Gaining Access : a practical and theoretical guide for qualitative researchers. Oxford : Rowman Altamira, 2003.
- 7 Goffman E. Relations in Public : micro studies of the public order. New York : Basic Books, 1971.
- 8 Johl S.K., Renganathan, S. Strategies for gaining access in doing fieldwork : reflection of two researchers // The Electronic Journal of Business Research Methods. 2010. Vol. 8. Iss. 1. P. 42-50.
- 9 Parreñas R.S. Inserting. URL:
http://aa.ecn.cz/img_upload/6334c0c7298d6b396d213ccd19be5999/RParrenas_InsertingFeminisminTransnationalMigrationStudies.pdf.